

0-782935

На правах рукописи

Тарасова Марина Романовна

**ПРЕДМЕТНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КРИТИКА И. А. ИЛЬИНА
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ
XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКОВ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Владивосток – 2010

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
Института филологии
ГОУ ВПО «Сахалинский государственный университет»

Научный консультант:

Заслуженный деятель науки РФ
доктор филологических наук, профессор
Агеносов Владимир Веннаминович
ГОУ ВПО «Институт международного права
и экономики им. А.С. Грибоедова» (г. Москва)

Официальные оппоненты

доктор филологических наук, профессор
Мехтиев Вургун Георгиевич
ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный
гуманитарный университет» (г. Хабаровск)

доктор филологических наук, профессор
Диакторская Ольга Георгиевна
ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный
технический университет им. В.В. Куйбышева»
(г. Владивосток)

доктор филологических наук, профессор
Мескин Владимир Алексеевич
ГОУ ВПО «Российский университет дружбы
народов» (г. Москва)

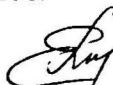
Ведущая организация: ГОУ ВПО «Югорский государственный университет»
(г. Ханты-Мансийск)

Защита состоится 16 июня 2010 г., в ___ часов, на заседании
диссертационного совета ДМ 212.056.04 в Дальневосточном
государственном университете по адресу: 690600, г. Владивосток, ул.
Алеутская, 56, ауд. 422.

С диссертацией можно ознакомиться в Институте
фундаментальной библиотеке Дальневосто-
чного университета по адресу: г. Владивосток, ул. Алеут

Автореферат разослан ___ мая 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000726931

Е. А. Перушина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Известно, что И.А. Ильин (1883 – 1954) называл свою критику «эстетически-художественной». Однако дефиниции «эстетическая» и «художественная» в русской литературной критике имеют далеко не однозначное толкование. В.В. Розанов называл «эстетическим» целый «фазис» в истории русской критики, маркируя его именем Белинского¹. Эстетической называли свою критику в 40-50-е годы XIX века П.В. Анненков, А.В. Дружинин, В.П. Боткин, бережно относившиеся к художественной структуре произведения на фоне всеобщего увлечения содержательной стороной искусства. А.А. Григорьев определял эстетическую критику как проповедующую «свое дилетантское равнодушие к жизни и к ее существенным вопросам во имя какого-то искусства для искусства»². Эстетической полагал свою критику В.Я. Брюсов, подчеркивая как принцип отсутствие тенденциозности в оценках³... Разные авторы понимали данный феномен по-разному. В свою очередь, «художественная критика», помимо того, что это критика «образная» (а русская критика изначально позиционировала себя как часть изящной словесности, то есть как критика художественная), имеет значение «относящаяся к искусству», иначе говоря, выходит за пределы литературы, обнимая собой не только искусство слова, но и другие виды искусства.

Чтобы не уточнять всякий раз содержание указанных терминов применительно к творчеству И.А. Ильина, мы определяем его критику как *предметную*, или *предметно-эстетическую*, имея в виду, что Предмет у И.А. Ильина – последняя, религиозная, глубина мира, его духовная сущность, истина того, что носит название вещей. Именно этой глубиной

¹ См.: Розанов, В.В. Три момента в развитии русской критики / В.В. Розанов // Русское обозрение. – 1892. – № 8.

² Григорьев, А.А. После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу (1860 / А.А. Григорьев // Искусство и нравственность. – М., 1986. – С. 230.

³ Типологически в критике символистов некоторые исследователи выделяют целое эстетическое (филологическое) течение, относя к нему, помимо В. Брюсова, И. Анненского, отчасти В. Иванова, А. Белого. (См.: Крылов, В.Н. Русская символистская критика (1890 – 1910-е гг.): генезис, типология, жанровая поэтика. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / В.Н. Крылов. – Казань, 2007. – 507 с.)

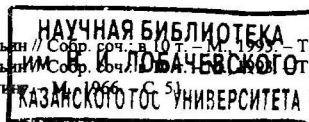
И.А. Ильин измеряет литературу и искусство, и только *предметное* искусство, в его интерпретации, имеет право быть *художественным*. «Художественность» в эстетике И.А. Ильина – синоним «предметности», истинности. Так, говоря о кризисном характере искусства XX века, он конкретизирует: «В искусстве отпадает "третье измерение" – художественности, священности, предметности; двумерная душа создает двумерное, пошлое, безбожное искусство и сама становится его жертвою»¹. Или: «...произведение *искусства* художественно не тогда, когда "эффектна" и "оригинальна" его эстетическая материя, но тогда, когда оно верно своему сокровенному, духовному предмету»². В конечном счете предметно-эстетическая критика И.А. Ильина может быть представлена как научная по форме и философская, религиозно-углубленная по содержанию, или, иначе, как *философская* – по целям и задачам, и *предметная* – по природе и сущности. Такая критика оптимальна, учитывая тот факт, «что в недра искусства в научном смысле глубже философского понимания не может проникнуть никакое другое и что философ яснее видит сущность искусства, чем даже сам художник»³.

Обратившись к литературной критике сравнительно поздно, когда ему было уже за сорок, И.А. Ильин аккумулировал в ней свою жизненную мудрость, опыт искушенного читателя и самостоятельного зрелого мыслителя. С конца двадцатых годов он усиленно занимается творчеством современников – представителей русского литературного зарубежья (Мережковский, Бунин, Ремизов, Шмелев). Читает о них публичные и закрытые лекции на русском и немецком языках во многих странах русского рассеяния (Франция, Германия, Швейцария, Чехословакия, Латвия), печатает статьи в газетах и журналах, брошюры. Кроме И. Бунина, А. Ремизова, И. Шмелева и Д. Мережковского в поле зрения И.А. Ильина в то время находятся М. Алданов и П. Краснов.

¹ Ильин, И.А. Основы христианской культуры / И.А. Ильин // Собр. соч. Т. 10. – М.: Центр, 1993. – Т. 1. – С. 289.

² Ильин, И.А. Основы христианской культуры / И.А. Ильин // Собр. соч. Т. 10. – М.: Центр, 1993. – Т. 1. – С. 301.

³ См.: Шеллинг, Ф.В. Философия искусства / Ф.В. Шеллинг // М., 1966. – С. 51.

С середины тридцатых годов И.А. Ильин обращается к русским классикам – в первую очередь к Пушкину, позже, в сороковые годы, – к Достоевскому, Гоголю, Толстому, к русской поэзии и фольклору, другим смежным областям и темам. *«Пушкинский»* цикл И.А. Ильина включает в себя семь работ: «Родина и гений» (1926), «Пророческое призвание Пушкина» (1937), «Национальная миссия Пушкина» (1937), «"Моцарт и Сальери" Пушкина: Гений и злодейство» (1941), «Александр Пушкин как человек и характер» (1943), «Александр Пушкин как путеводная звезда русской культуры» (1943), «Пушкин в жизни. 1799-1837» (1949). Творчеству *Ф.М. Достоевского*, помимо многочисленных разрозненных высказываний и характеристик, в наследии Ильина посвящены пять лекций на немецком языке: «Достоевский как человек и характер» (1942), «Достоевский как художник» (1943), «Достоевский как публицист» (1943), «Образ Идиота у Достоевского» (1943), «Николай Ставрогин (Достоевский. "Бесы")» (1944). *Н.В. Гоголь* в литературно-критическом репертуаре Ильина представлен лекцией на немецком языке «Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни» (1944), *Л.Н. Толстой* – лекциями «Лев Толстой как истолкователь русской души ("Война и мир")» (1942), «Мировоззрение Льва Толстого» (1942), «Лев Толстой – художник и человек» (1944).

Сохранились высказывания Ильина о З.Н. Гиппиус, А. Белом, А.А. Блоке, А.И. Куприне и многих других (в составленном нами для учебного пособия «И.А. Ильин – литературный критик» предметно-именном указателе – более 170 имен русских и зарубежных писателей, к которым, так или иначе, обращался И.А. Ильин). Первое место в пантеоне национальной литературы И.А. Ильин отводит А.С. Пушкину. Если попытаться реконструировать его видение русской литературы (по степени убывания света и предметности в творчестве писателей), то эта реконструкция могла бы выглядеть так:

1. А.С. Пушкин (1799 – 1837), И.С. Шмелев (1873 – 1950) □ самые органично-предметные субъекты в русской литературе.

2. Ф.И. Тютчев (1803 – 1873), граф А.К. Толстой (1817 – 1875) – чувствуют Предмет, но не всегда способны адекватно это чувство передать (способность выражения отстает от созерцания).

3. Н.С. Лесков (1831 – 1895) □ порой формально-предметен (умственно-, нарочито-, рассудочно-предметен).

4. И.С. Тургенев (1818 – 1883) – пассивно-предметен, «околопредметен».

5. А.П. Чехов (1860 – 1904) – бессознательно предметен.

6. Ф.М. Достоевский (1821 – 1881) – «великий провидец и мыслитель»¹, все, что он пишет, «является порывом к Богу, зовом к Господу, борьбой за преображение и за дух Христа»², но он взыскует неба из *бездны* и, мучимый загадкой мирового зла, только мечтает о Божественной гармонии, столь свойственной творчеству Пушкина, к которому он, Достоевский, относился «как любящий ученик к своему учителю»³.

7. Н.В. Гоголь (1809 – 1852) – в личном опыте ищет Христа, но как художник не может выразить своих созерцаний: недостаточно талантливый гений. «Его жизненный путь – это постоянная борьба с собственным хаосом; хаос в нем *никогда* так и не смог проговорить ни одного дерзкого, необузданного, неконтролируемого разумом слова»⁴.

8. М.Ю. Лермонтов (1814 – 1841) – предметом его творчества является уже не свет, а метафизическая тьма, хотя он сам, скорее, на стороне света; «...художественный акт замкнутой, в сухом калении перегорающей любви»⁵.

9. А.М. Ремизов (1877 – 1957) – «рыдающий праведник»; предмет его творчества – тьма сверхчеловеческая, с которой он уже не в силах бороться.

10. И.А. Бунин (1870 – 1953) в ильинской «табели о рангах» стоит несколько особняком: одной частью своего существа он славит и утверждает

¹ Ильин, И.А. Сущность и своеобразие русской культуры (1942) / И.А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 2. – С. 386.

² Там же. С. 386.

³ Там же. С. 386.

⁴ Ильин, И.А. Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни (1944) / И.А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1997. – Т. 6. Кн. 3. – С. 257.

⁵ Ильин, И.А. Одинокий художник (1933) / И.А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 2. – С. 354.

Бога (через природу), другой – художественно внемлет инстинкту, додуховному естеству человека; разделяет свет (связывая его с природой) и тьму (связывая ее с человеком); раздвоенный, внутренне расщепленный талант.

11. Л.Н. Толстой (1828 – 1910) во имя Бога борется с самим Богом.

12. Д.С. Мережковский (1866 – 1941), модернисты (школа «Мережковского – Розанова») – беспредметные художники.

13. В.В. Маяковский (1893 – 1930) – антипредметный, противопредметный художник.

Тематика работы потребовала уточнить контекст идеалистической критики как таковой. В этом плане мы опирались на типологию русской литературной критики, разработанную для XVIII – XIX вв. В.А. Недзвецким. В основу его типологии положена категория метода, что весьма перспективно и само по себе – с точки зрения «квантования» материала, и конкретно – с точки зрения последующих сопоставлений с филологическим методом И.А. Ильина. Типология В.А. Недзвецкого, продолженная за пределы XIX века с учетом имеющихся теоретических источников (исследования В.В. Розанова, Н.В. Володиной, Б.Ф. Егорова, Л.Н. Житковой, В.Н. Крылова, Л.В. Овчинниковой, В.В. Перхина, В.А. Чалмаева, Н.И. Якушина и других), а также с учетом собственных наблюдений автора, схематично может быть представлена следующим образом:

XVIII век – нормативно-жанровая критика – критика как суждение изящного вкуса – **XIX век** – романтическая (ранняя; декабристы; «Московский телеграф») – *философская (абстрактно-эстетическая)* – *конкретно-эстетическая* – *эстетическая* – «реальная» (варианты: обществоведческая, публицистическая, революционно-демократическая) – *культурологическая* (славянофилы; «почвенники»; «органическая» критика А. Григорьева) – субъективно-социологическая – **рубеж XIX – XX веков** – *критика философов-идеалистов* – критика символистов (*религиозно-философская*; формальная; «имманентная» [импрессионистическая]) –

социологическая (как вариант: марксистская) – **XX век** – метрополия: советская (авторитарная; гуманистическая) – диаспора: *религиозно-философская* (с эстетической доминантой; с религиозной (мировоззренческой) доминантой); этико-эстетическая (гуманистическая); альтернативная традиционной (модернистская, авангардная, «другая») критика – **современный период** – критика с реалистической доминантой – критика с постмодернистской доминантой.

Курсивом в данной схеме выделена традиция (идеалистическая, религиозно-философская), в рамках которой диалогически существует И.А. Ильин. Эта традиция имеет в русской культуре глубокие корни, учитывая тот факт, что книжная культура Киевской, а позже Московской Руси изначально формировалась под влиянием религиозного мировоззрения, в частности, под влиянием византийской духовной классики – сочинений Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова и других. Эти произведения (во многом повлиявшие на мировоззрение самого Ильина) были известны на Руси уже во времена Ярослава Мудрого, они составляли основу чтения, определяли атмосферу, в которой развивалась философская мысль. И.А. Ильин находит отражение этой традиции и в «Слове о полку Игореве», и в пении калек переходящих, и в былинах, и в русских народных сказках¹...

Что касается персонального наполнения указанной схемы, то в поле нашего зрения оказались 18 профессиональных критиков и философов, обращавшихся к литературе (связь с художественной литературой – одна из традиций русской философии, сам метод художественного отождествления с изучаемым предметом, нашедший теоретическое воплощение в феноменологии Э. Гуссерля и органично востребованный литературной критикой И.А. Ильина, в контексте русской культуры отчасти связан с этой традицией). Среди участников диалога в контексте данной работы – Д.В.

¹ См.: Ильин, И.А. О тьме и просветлении / И.А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 1. – С. 204.

Веневитинов, Н.И. Надеждин, В.Ф. Одоевский, И.В. Киреевский, С.П. Шевырев, В.Г. Белинский, П.В. Анненков, Ф.М. Достоевский, А.А. Григорьев, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, Д.С. Мережковский, В.В. Вейдле, К.В. Мочульский, Ф.А. Степун, В.В. Зеньковский. Косвенно – отдельными репликами – в диалоге участвуют К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, С.Н. Булгаков, А.Л. Волынский, М. Гершензон, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Г. Федотов, Л. Шестов и др. В каждом конкретном случае, опираясь на сравнительно-сопоставительный анализ и аналитический метод как таковой¹, мы рассматривали мировоззренческие, общеметодологические позиции и подходы перечисленных авторов в их проекции на мировоззрение и методологию И.А. Ильина, изучали отдельные проблемы и категории, имеющие принципиальное значение для эстетики И.А. Ильина (вопросы о сущности и назначении искусства, о природе художественного акта, о феноменах таланта и гениальности, о сочетании рационального и иррационального, временного и вечного, субъективного и объективного в художественном творчестве, о формально-содержательной целостности произведения и другие), исследовали круг взаимных интересов И.А. Ильина и его оппонентов, выясняя их отношение к Пушкину, Гоголю, Достоевскому, Толстому, иным ключевым фигурам русской классической литературы, а в контексте XX века – к модернизму и его представителям.

Характеризуя *степень изученности* творчества И.А. Ильина, отметим несколько этапов на этом пути, а именно: предреволюционные и революционные годы (1910-е – 1922-й), зарубежный прижизненный (1923 – 1954), зарубежный посмертный (в основном описательный и собирательский, когда в США формируется архив философа). С 1989 года начинается постепенное возвращение наследия И.А. Ильина на родину; за десять лет (1993 – 2003 гг.), во многом благодаря усилиям эксперта Российского фонда культуры профессора Ю.Т. Лисицы, было издано 25 томов собрания

¹ Аналитический метод реализован в работе в самом широком диапазоне видов: как художественный анализ конкретных произведений, сравнительно-сопоставительный анализ различных произведений, историко-сопоставительный, историко-культурный анализ отдельных явлений литературы и искусства.

сочинений И.А. Ильина, планируется издать еще порядка 15; идет активное осмысление публикуемого материала. Можно сказать, что Ильин – правовед, философ, социолог, политолог – известен уже достаточно широко и достаточно хорошо изучен (особый вклад в изучение этих сфер теоретической и практической деятельности И.А. Ильина внесли С.М. Бабинцев, О.Л. Гнатюк, А.В. Гулыга, И.И. Евлампиев, И.Н. Зернов, А.А. Иванова, Н.И. Изергина, А.Ф. Киселев, Ю.Т. Лисица, Ю.В. Линник и другие). По указанной тематике защищен ряд диссертаций, вышел специальный том в серии «Pro et contra» (СПб., 2004), написаны монографии, статьи для энциклопедий и словарей... Литературная критика И.А. Ильина изучена не столь полно, а потому не оценена по достоинству, не востребована современной филологической наукой – в том числе со стороны филологического (литературно-критического)¹ метода. В проекции на мировоззрение, аксиологию, предмет художественного освоения этот метод утверждает православную духовность как основу литературы и искусства, что определяет перспективы его использования в масштабах филологии, всего комплекса смежных гуманитарных наук, связанных с осмыслением концепции национального искусства. Сказанное во многом обуславливает *актуальность* и *новизну* работы. Актуальность работы обуславливается также тем, что изучение литературной критики И.А. Ильина расширяет общее знание о закономерностях литературного процесса первой половины XX века с учетом практики русского литературного зарубежья.

Начало систематическому изучению литературной критики И.А. Ильина (как и всего корпуса его произведений) положил профессор Питтсбургского университета (США) Н.П. Полторацкий (1921–1990), бывший в свое время распорядителем личного архива Ильина². Н.П. Полторацкий проделал огромную текстологическую работу, подготовив к публикации сборник произведений И.А. Ильина под названием «Русские писатели, литература и

¹ И.А. Ильин не выделяет литературную критику в особый раздел литературоведения.

² Ныне архив И.А. Ильина, в составе порядка 60-ти других личных архивов и библиотек, хранится в научной библиотеке МГУ им. М.В. Ломоносова, куда он был передан в июне 2006 года из Мичиганского университета (США).

художество» (Вашингтон, 1973), при этом многие тексты, как, например, лекция о Мережковском, были опубликованы впервые. Николай Петрович осуществил перевод, уточнил выходные данные, восстановил историю создания отдельных трудов, снабдил их примечаниями, прокомментировал многочисленные пометки и суждения И.А. Ильина, указал источники, которыми тот пользовался. Н.П. Полторацкий ввел в научный оборот основные идеи эстетики И.А. Ильина, сформулировал суть его филологического метода, определил круг его литературно-критических интересов, поставив литературную критику Ильина в зависимость от эстетических и – шире – религиозно-философских взглядов ученого, отметил новаторство Ильина в изучении, прежде всего, писателей русского зарубежья, показал общее значение литературной критики Ильина. Н.П. Полторацкому принадлежат такие работы, как «Русская религиозная философская мысль XX века» (Питтсбург, 1975)¹, «Россия и революция» (Тенефлай, 1988)², «Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение» (Тенефлай, 1989), «Русская литература в эмиграции» (Питтсбург, 1972)³ и другие.

Новым этапом в освоении литературно-критического наследия И.А. Ильина стало издание собрания его сочинений. В этом издании, в трех книгах шестого тома, собрана литературная критика И.А. Ильина, причем многие материалы публикуются впервые по архивным экземплярам. С выходом в свет этих томов (1996 – 1997 гг.) литературная критика И.А. Ильина стала доступной широкому кругу читателей и специалистов. Из современных исследователей большое внимание литературной критике Ильина уделяет доктор филологических наук профессор Ю.И. Сохряков (Москва)⁴. В 1999 году была защищена первая кандидатская диссертация на

¹ Об Ильине см. здесь страницы 240-250.

² Об Ильине – С. 241-291.

³ В данном сборнике статей помещена, например, статья Н.П. Полторацкого «Русские зарубежные писатели в литературно-философской критике И.А. Ильина».

⁴ См., в частности: Сохряков, Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX вв. / Ю.И. Сохряков. – М., 2000; Сохряков, Ю.И. И.А. Ильин – религиозный мыслитель и литературный критик / Ю.И. Сохряков. – М., 2004.

тему «И.А. Ильин как литературный критик» (М.Р. Тарасова, МПГУ). В 2006 году вышло учебное пособие «И.А. Ильин – литературный критик» (М.Р. Тарасова, Южно-Сахалинск), в 2009 году – монография «Художественные особенности литературной критики И.А. Ильина» (М.Р. Тарасова, Южно-Сахалинск). Отдельные исследования, статьи по интересующей нас теме есть у П. Гайдено, В. Егорова, И. Карпова, В. Молодякова, А. Науменко-Порохиной, Ю. Огородникова, П. Паламарчука, Н. Сергеевой, Г. Скотниковой, Н. Старыгиной и некоторых других. Однако, по большому счету, литературная критика И.А. Ильина все еще ждет своих исследователей.

Целью диссертации является интерпретация эстетики и литературной критики И.А. Ильина в контексте отечественной традиции идеалистического миропонимания (хронологически традиция ограничена XIX – первой половиной XX века). При этом сама интерпретация в нашем понимании предполагает осознанную необходимость постоянного сопоставления взглядов, подходов, отдельных произведений и текстов творчества в диалогическом единстве культурного процесса, взятого как в его современных проявлениях – по горизонтали, так и с учетом временного среза – по исторической вертикали.

Поставленная цель определила *задачи* исследования: 1. осмыслить эстетические взгляды И.А. Ильина в связи с базовыми для его мировоззрения принципами русской и немецкой классической (идеалистической) философии, уточнить источники, структуру и суть его филологического метода, определить теоретические подходы И.А. Ильина к литературной критике; 2. опираясь на принцип диалогизма, соотнести литературную критику И.А. Ильина с основными текстами русской литературной критики XIX – первой половины XX века (имея в виду идеалистическую традицию), показать сильные и слабые стороны его эстетической системы; 3. сопоставить эстетику и литературную критику И.А. Ильина с

соответствующими исследованиями русских философов-идеалистов, обращавшихся к проблемам творчества и творчеству конкретных писателей, выявляя общность и своеобразие подходов в пределах указанной идеалистической традиции; 4. доказать уникальность И.А. Ильина как создателя специального филологического метода, реализующего принципы религиозного мировоззрения в подходах к литературе и искусству; 5. обосновать значение, потенциальные возможности филологического метода И.А. Ильина с точки зрения перспектив развития русской литературы и русской литературной критики.

Объектом исследования стали прежде всего книги «Основы художества: О совершенном в искусстве» (1937), «О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев» (1959), 22 статьи и 20 лекций, имеющие в наследии И.А. Ильина прямое отношение к литературе и искусству; исследовались также разрозненные литературно-критические высказывания И.А. Ильина, извлеченные из его философских, публицистических произведений, эпистолярная критика; учитывались косвенные факты – свидетельства современников – о стиле и методах работы И.А. Ильина, о его отношении к определенным событиям литературно-художественной жизни. Таким образом, была предпринята попытка наиболее полного и всестороннего анализа литературно-критического наследия И.А. Ильина в широком контексте его творчества. *Объектом* исследования стал также литературный, литературно-критический и философский контекст за полтора века (XIX – первая половина XX-го). *Предметом* настоящего исследования является диалогическое единство религиозно-философской, идеалистической литературной критики как одной из значительных и значимых подсистем русской культуры.

В качестве *методологической базы* были использованы прежде всего труды самого И.А. Ильина, в частности его диссертация «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918) – несомненная вершина философского творчества ученого; труды И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Ф.В.Й.

Шеллинга, Т. Карлейля, В.С. Соловьева, Н.О. Лосского, В.В. Зеньковского, А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, а также Б.Ф. Егорова, Ю.В. Манна, В.А. Недзвецкого, В.Е. Хализева, М.М. Дунаева и других. Большое значение с точки зрения теоретического оснащения диссертации имели работы Н.П. Полторацкого, монографии «Мирозозерцание И.А. Ильина» С.М. Бабинцева (1997), «Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина» И.И. Евлампиева (1998), «Иван Ильин и его поющее сердце» А.Ф. Киселева (2006), другие.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. И.А. Ильин, многочисленными нитями связанный с русской культурной традицией и, прежде всего, с традицией идеалистического миропонимания, является, по сути, единственным ортодоксально-православным литературным критиком в контексте XIX – первой половины XX века, создавшим соответствующий инструментарий для филологического исследования.

2. Литературно-критический (филологический) метод И.А. Ильина актуален в контексте современного литературного процесса и плодотворен с точки зрения перспектив развития русской литературы по ряду причин:

а) ориентированный на последнюю – религиозную – глубину мира и человека, на абсолютные – Божественные – ценности и евангельский идеал, филологический метод И.А. Ильина предполагает высочайшую ответственность художника и критика за результаты своего труда, который приравнивается к служению;

б) восприятие произведения как трехмерного (в единстве слова, образа и предмета) обеспечивает достаточно целостный анализ с учетом его художественных, психологических, религиозно-философских аспектов и уровней;

в) восприятие произведения как трехмерного обеспечивает достаточно объективную экспертизу литературно-художественного целого, учитывая, что предмет у И.А. Ильина – не просто идея, но именно *качество* идеи,

лежащей в основе того или иного сочинения, его духовный помысел, максимально свободный от субъективной рефлексии;

г) филологический метод И.А. Ильина достаточно гибок и вариативен для того, чтобы в каждом конкретном случае выявлять индивидуальные особенности художественного акта, его структуру и возможности;

д) филологический метод И.А. Ильина инициирует системный (культурологический) подход к художественному творчеству, предполагая связь эстетического, научного, религиозно-философского, нравственного и других начал в масштабах личности и народа (нации) в целом;

е) принцип художественного отождествления, составляющий наряду с аналитической компонентой самую суть литературно-критического метода И.А. Ильина, обуславливает более глубокое и полное освоение материала, вовлекая в процесс филологического восприятия *всего* критика во всем многообразии его опыта – чувственного и нечувственного, что делает познание максимально эффективным (как известно, истина доступна только цельному человеку);

ж) установка на художественную «встречу» с автором как сверхзадача литературно-критического метода И.А. Ильина в единстве с ярко выраженной установкой на поиск и утверждение предметной истины создают уникальное сочетание, актуальное в контексте современной культуры, формирующей диалогическую модель общения порой вне зависимости от духовно-качественных параметров коммуникации;

з) филологический метод И.А. Ильина органично интегрирует в традиционное литературоведение, расставляя и усиливая необходимые качественные акценты.

3. Актуализация идеалистической традиции в форме религиозного (православного) миропонимания «спасительна», по выражению И.А. Ильина, особенно в ситуации современного духовного кризиса; она может и должна быть востребована на благо русской культуры, в том числе, с помощью литературы и литературной критики (при этом речь не идет о забвении

материалистической и рационалистической традиции русской философской мысли, что было бы проявлением узости и односторонности).

Теоретическая значимость работы определяется прежде всего целостностью, понятой как реализация важнейшего для культуры принципа диалогизма, и предпринятым на этой основе осмыслением эстетики и литературной критики И.А. Ильина в контексте русской идеалистической критики XIX – первой половины XX века, а также уточнением отдельных составляющих общего литературного процесса первой половины XX века.

Практическая значимость. Материалы данного исследования могут быть использованы в практике высшей школы в курсах по истории русской литературы, литературной критики и журналистики (так, спецсеминар «И.А. Ильин – литературный критик» в течение ряда лет ведется в Институте филологии Сахалинского государственного университета). Кроме того, полученные результаты могут быть полезны для дальнейшего изучения творчества И.А. Ильина в самом широком диапазоне тем и проблем, при создании целостной истории русской литературной критики XVIII – XX веков с учетом всех составляющих литературного процесса XX века, включая литературу диаспоры. Отдельные положения диссертации могут быть использованы при создании монографических работ, в изданиях справочного характера, в рамках дополнительной специализации «Литературная критика и редактирование».

Отдельные положения диссертации *апробированы* автором в монографии «Художественные особенности литературной критики И.А. Ильина» (Южно-Сахалинск. 2009), в научных периодических изданиях («Филологические науки» – Москва, 2005; «Русская речь» – Москва, 2007; «Вестник Российского университета дружбы народов» – Москва, 2008; «Вестник Московского областного университета» – Москва, 2008, 2009; «Обсерватория культуры» – Москва, 2009; «Вестник Поморского университета» – Архангельск, 2009; «Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке» – Владивосток, 2008, 2009;

«Филологический журнал» – Южно-Сахалинск, 1998, 2001, 2002, 2005, 2007, 2008, 2009; «Ученые записки СахГУ» – Южно-Сахалинск, 2006, 2007, 2008); в учебных пособиях, получивших гриф УМО Министерства образования и науки Российской Федерации («История русской духовности» – Южно-Сахалинск, 2003; «И.А. Ильин – литературный критик» – Южно-Сахалинск, 2006); отражены в докладах на внутривузовских и межвузовских научно-практических конференциях местного, регионального, всероссийского и международного уровней. Среди них конференции «Сахалинская молодежь и наука» (Южно-Сахалинск, 1997), «Пушкинские чтения: Творчество А.С. Пушкина в контексте современных наук» (Южно-Сахалинск, 1999), «Чеховские чтения» (Южно-Сахалинск, 1999), «К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина» (Хабаровск, 2000), «Актуальные проблемы методики преподавания филологических дисциплин в вузе и школе: II Маймановские чтения» (Южно-Сахалинск, 2001), «Синтез в русской и мировой художественной культуре» (Москва, 2004), «Средства массовой информации в современном мире» (Санкт-Петербург, 2006), «Православие в прошлом и будущем России» (Южно-Сахалинск, 2006), «Мозаика культур: теория и практика поликультурного диалога в Азиатско-Тихоокеанском интеграционном поле» (2009). Публикации осуществлялись в сборниках «История государства и церкви на Сахалине» (Южно-Сахалинск, 2001), «Русская литература XX века: итоги и перспективы изучения» (Москва, 2002). *Структура работы*: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего в себя 800 наименований (из них 537 – источники по творчеству И. А. Ильина, 27 – публикации автора, в том числе 7 – в изданиях ВАК). Общий объем работы 458 страниц.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** определяются основные параметры (цель, задачи, объект, предмет), методологическая база и конкретные методы исследования, обосновываются актуальность и новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Эстетические воззрения И.А. Ильина, методологическая основа его критики» состоит из трех параграфов. В параграфе 1.1. *«Теоретические предпосылки эстетики и литературной критики И.А. Ильина»* констатируется, что И.А. Ильин-мыслитель (в широком диапазоне конкретных проявлений) формировался под влиянием московской научной школы (и прежде всего таких ее представителей, как Е.Н. и С.Н. Трубецкие, Л.М. Лопатин, С.А. Аскольдов), отечественной традиции идеалистического миропонимания (И.В. Киреевский, В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский и др.) и немецкой классической философии (И. Кант, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель)¹. Со временем в духовном опыте И.А. Ильина все большее значение приобретают святоотеческая литература и собственно православие. Эстетика И.А. Ильина в методологическом плане теснее всего связана с трудами Ф.В.Й. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля, Т. Карлейля, Э. Гуссерля – эти источники и рассмотрены в данном параграфе прежде всего.

Среди фундаментальных идей немецкой и – шире – западноевропейской философии, нашедших отражение в эстетике И.А. Ильина, мы отмечаем идею искусства как чувственного «уловления» и воплощения истины; идею глубоко содержательного искусства, подчиненного высшим целям, призванного к Божественному служению; идею органической связи искусства, религии и философии в процессе познания; идею философского «оснащения» самого искусства; идею красоты, предполагающей сверхчувственное содержание; идею художника – пророка, «вестника», провидца всеобщих истин духа. И.А. Ильин в полном объеме ассимилировал принципиальные для эстетики Ф.В.Й. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля понятия «художественный организм», «органическое единство» («органическая целостность»), «художественная необходимость». Востребованными в эстетике Ильина оказались понятие символа как чувственного и

¹ Из других источников мировоззрения И.А. Ильина можно отметить античную метафизику (Сократ, Платон, Аристотель), С. Кьеркегора, Э. Гуссерля, О. Шпенглера...

неразложимого выражения идеи (Ф.В.Й. Шеллинг), категория очевидности как критерий *переживаемой* истины (Э. Гуссерль).

Нечто общее обнаруживается у Ильина и немецких философов в осмыслении категории времени, историзма как такового. Так, у Шеллинга, поскольку в системе искусств отражается абсолют, искусство оказывается в конечном счете изъятым из времени («вечное *само по себе* даже в средоточии времени не имеет отношения ко времени»¹). Историзм гегелевской философии, хотя и предполагает, что абсолютная идея как всеобщая субстанция и субъект осуществляет себя только в процессуальной форме и для нас предстает как разворачивающийся во времени процесс, все же в гораздо большей степени историзм «логический», нежели «собственно исторический»². В эстетике Ильина, ориентированной на религиозное миропонимание, сверхсобытием истории является Промысел Божий. История в таком понимании есть процесс движения отпавшего от Бога человека (в его всечеловеческом единстве) к новому соединению с Творцом через череду повторных отступлений, ошибок, падений. Иными словами, подлинная история в восприятии Ильина – это не цепь событий во времени, «по горизонтали», а, скорее, обусловленная идеей спасения, совокупность точек подъема, череда подвижек в духовном плане, «по вертикали».

В целом, констатируя глубокую укорененность эстетики Ильина в общеевропейской идеалистической философской традиции, мы отмечаем ее самостоятельность и оригинальность относительно любых, даже самых авторитетных первоисточников, что, на наш взгляд, обуславливается православным миропониманием философа. Православное миропонимание И.А. Ильина, во-первых, как религиозное миропонимание вообще, предполагает цельность познания, объединение всех душевно-духовных сил человека (разума, чувства, совести, воли, веры, молитвы) во имя способности к сверхрациональному постижению истины, Божественных тайн бытия;

¹ Шеллинг, Ф.В. Философия искусства / Ф.В. Шеллинг. – М., 1966. – С. 76.

² См.: Перов, Ю.В. Вступительная статья / Ю.В. Перов // Гегель, Г.В.Ф. Эстетика: в 2-х т. – СПб., 1998. – Т. 1. – С. 55.

допускает сочетание различных видов опыта – чувственного и нечувственного (интеллектуального, мистического, религиозного) в процессе познания; утверждает синтез веры и знания, религии и философии, особую роль интуиции как непосредственного созерцания объекта в себе («философию сердца»), идею консубстанциальности – всеобъемлющего единства, внутренней связи всего сущего в структуре сотворенного мира. Как собственно православное, миропонимание И.А. Ильина и близких ему русских религиозных философов, начиная с И.В. Киреевского, исходит из того, что высшие и самые священные ценности открываются христианину не в виде абстрактных законов, а как конкретные живые образы действительной личности богочеловека Иисуса Христа и его святых. Отсюда характер идеала (в том числе эстетического). Отсюда предметно-образный тип мышления, предпочтительный в русской религиозной философии, и требование предметной образности от искусства («предметной» и в смысле образного правдоподобия, и в смысле высшей – духовной – правды). Отсюда задача воспитания воображения, чувств и воли в духе христианства, задача очищения души, всего «низшего состава человека» – в том числе средствами художественного творчества. Сугубая индивидуальность И.А. Ильина в этом плане заключается в его ортодоксально-православной позиции, чуждой каких-либо внецерковных модификаций, инноваций, интерпретаций.

Самобытность и неповторимость эстетических, литературно-критических суждений И.А. Ильина, обусловленных его православным миропониманием, выявляются в параграфе 1.2. *«Искусство и литературная критика в системе религиозно-философских взглядов И.А. Ильина»*. Общая реконструкция религиозно-философских взглядов философа, предпринятая в данном параграфе, наглядно демонстрирует, что в картине мира, которую предлагает и отстаивает И.А. Ильин, индивидуальный дух человека, во всех своих проявлениях (стыд, совесть, долг, правосознание, любовь к Богу и родине, потребность в красоте) свободно ориентированный на последнюю, религиозную, глубину мира и человека, на Дух в его субстанциальном

понимании, преодолевая хаос, «который во *всех* нас дремлет»¹, утверждает космос, «к которому мы *все* в душе своей призвание имеем»². Искусство в такой системе координат занимает особое место. Оно, по Ильину, есть служение и радость: служение истине в форме материально-образного ее воплощения в словах, звуках, красках, служение ответственное и свободное, радостное по причине «восхищения духа», преодолевшего и постигшего. При этом художник не властен над своим вдохновением – он позван, призван, отмечен способностью видения и выбора, каждое слово для него, каждый образ – художественная необходимость, укорененная в Божественной сущности мира. Бог – Высший Художник, и человек творящий внимает Ему духом, полагая искусство как любовь и молитву, как сферу художественно-метафизической онтологии. Искусство в эстетике И.А. Ильина служит не только установлению связи между людьми, человеческими душами, но и связывает человека с вечностью, с Богом в контексте сотериологической культуры. Внимательное изучение соответствующих источников позволило нам сделать следующие выводы, принципиальные для понимания эстетики И.А. Ильина:

1. И.А. Ильин разработал фундаментальные принципы новой эстетической системы, приближенной к религиозной системе координат. При этом, говоря об искусстве, И.А. Ильин рассматривает создание, восприятие и осмысление произведений как некий взаимосвязанный комплекс, а художников / критиков / публику – как равноправных участников единого творческого процесса. И.А. Ильин вообще много внимания уделяет проблемам восприятия, что само по себе очень ценно, учитывая тот факт, что рецептивная эстетика (теория восприятия), как самостоятельная область знания, разрабатывается сравнительно недавно – с 70-х годов XX века. И.А. Ильин, сумев в рамках целостного методологического подхода избежать компилятивности рецептивной эстетики, фрагментарно обращенной к

¹ Ильин, И.А. Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни (1944) / И.А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 257.

² Там же. С. 257.

герменевтике, структурализму, лингвистике и т. д., сориентировал восприятие художественных произведений на *диалог* с автором, что весьма перспективно и в контексте современной культуры как таковой, и в контексте современного литературоведения, в частности¹.

2. В основу эстетики И.А. Ильина положена категория *художественности* (предметности), вступающая в сложные отношения с базовой для традиционной эстетики категорией *прекрасного*. И.А. Ильин усложняет само понятие красоты, различая красоту подлинную, соотносимую со сверхчувственным предметным содержанием (а значит с истиной и добром), и мнимую, лишённую такого содержания (*красивость*). Более того, через дефиницию «некрасивое и художественное» И.А. Ильин постулирует необязательность красоты применительно к искусству. Красота, оторванная от Истины, маркирует в восприятии И.А. Ильина поврежденное, раздробленное сознание, и он готов скорее пренебречь эстетикой, нежели истиной: религиозное чувство, духовность для него превыше всего.

3. Критерием объективного совершенства в эстетике И.А. Ильина является *предметность*, своего рода присутствие Божественного плана бытия в произведении искусства. Основным условием и в то же время способом достижения (и постижения) *предметности* как объективного совершенства является *духовность*, то есть само стремление к идеалу, тяготение, приближение к нему.

4. Подлинное искусство, по Ильину, имеет духовный и духовно-священный смысл; оно родится из любви, страдания и одоления, из воли к совершенству, т. е. духовно по природе; характер искусства – суть свободное, ответственное служение, предстояние, призвание (заметим, что служение в интерпретации И.А. Ильина предполагает способность к волевому напряжению, борьбе). Предметом искусства в эстетике И.А. Ильина являются духовно значительные медитации. И.А. Ильин не отрицает

¹ Проблемы восприятия в эстетике И.А. Ильина – и сами по себе и в их проекции на рецептивную эстетику – нуждаются в дальнейшем специальном исследовании, что определяет одно из направлений в перспективе данной работы.

импульсов, идущих в творчестве художника от жизни. Он просто более четко расставляет необходимые, по его мнению, акценты, выбирает нужные с точки зрения христианской метафизики приоритеты. И эти приоритеты выстраиваются у него в следующем порядке: сердце (чувство, любовь), совесть, воля, философское мышление, вера (молитва). В эстетической системе И.А. Ильина важен не столько жизненный материал сам по себе, сколько его ревизия с точки зрения вечности, движение *сквозь* этот материал вверх и вглубь, – духовная вертикаль является опорной в данной, религиозной, системе координат. Всякие другие ориентиры уведут художника в «дурную бесконечность» случайных содержаний.

5. Искусство, по Ильину, «зачинается в глубине бессознательного». Художник «творит из некой внутренней, духовной очевидности; она владеет им, но он сам не властен над нею», нередко он и сам «не знает, что зарождается, зреет и разворачивается в творческой мгле его души». Однако рефлексия по поводу творчества со стороны художника должна быть вполне сознательной. Художник должен тренировать свой творческий акт, способность созерцания, душевно-духовную сферу, как некий инструмент, чтобы в нужный момент предаться свободному вдохновению. Художник у Ильина – «духовный труженик», он должен взрастить в себе эстетический (евангельский) идеал, чтобы иметь верный ориентир и критерий творчества.

6. И.А. Ильин полагает, что, коль скоро Истина открыта, изменять ей преступно, и потому весьма строго относится ко всякого рода отклонениям от прямого и ясного пути к ней – и в искусстве, и в жизни. Он никогда не мог бы отдать «подобавшей дани» идейно-чуждому, беспредметному, противопредметному художнику, каким бы большим дарованием этот художник ни обладал. Творящий художник, по мнению Ильина, несет великую духовную ответственность перед Богом, перед истиной, перед своей философской и писательской совестью и перед своим народом. Он должен стремиться не к изживанию собственных фантазий и страстей, не к успеху у публики, а к художественному совершенству: творческое делание измеряется

тем, чему оно предстоит (И.А. Ильин просто не может идти в искусстве от данности, от искаженной природы человека, ибо это не путь Христа). Эстетика Ильина во всем ищет духовного *качества*. Ее идеал – это искусство, «сильное духом, мудростью, вдохновением, магическое по благодати, строящее дух и ведущее душу». В эстетике И.А. Ильина очевидна связь с этикой, с морально-нравственной проблематикой как таковой.

7. Религиозное призвание искусства, в конечном счете, преодолевает у Ильина автономию эстетической сферы. Недооценка родовой (субъективно-образной) специфики искусства приводит к тому, что, анализируя эстетические качества произведения, И.А. Ильин не различает порой предмет изображения и само изображение, художественную реальность и реальность как таковую, отрицает относительную самостоятельность формы. Ориентированная на религиозный идеал, эстетика И.А. Ильина не учитывает всей полноты эстетической практики, не свободна от утопической чрезмерности и схематизма. И.А. Ильин настаивает на соответствии образа духовному первообразу и строго отслеживает данное соответствие (или несоответствие) по вертикали: идея (духовный помысел) – образ – материальное воплощение. Горизонтальную «разверстку» образа он не рассматривает (все, в чем не выявлено духовное начало, все «человеческое, слишком человеческое» – ущербно, по Ильину, нехудожественно а priori). Отсюда – недооценка исторической составляющей искусства. Вообще историзм Ильина можно назвать «отрицательным»: он главным образом фиксирует утраты, а не приобретения (и главная из них – утрата духовности). Зафиксировав деформацию, измельчение, истончение в области духа относительно религиозного идеала, И.А. Ильин в каждом конкретном случае пытается понять, как далеко зашел кризис, какие причины его усугубили – он *надисторичен*, он смотрит на события как будто сверху, из вечности, вне социальной истории: ему важнее нравственное возвышение, обожение человека, нежели его историческая эволюция как таковая. Ключевые слова в эстетике Ильина – свобода, предметность и ответственность;

противоположные им – произвол, субъективизм, вседозволенность – определяют триединый соблазн художественного творчества. Диагностируя на новом историческом этапе глубочайший кризис искусства, И.А. Ильин верит в возможность его возрождения, но именно на путях свободы, предметности и ответственности, на путях всеобщей христианизации культуры. Таковы базовые принципы эстетики И.А. Ильина, адекватным отражением которых стал специальный филологический метод – самобытный вклад И.А. Ильина в отечественное литературоведение.

Переходя к теории литературной критики И.А. Ильина, мы констатируем, что И.А. Ильин не дает определения критики как таковой. Возможное понятийное наполнение данного термина, в системе взглядов И.А. Ильина, сводится к следующему: критика – *человеко- и тайноведение, свободное созерцание и осмысление Главного сквозь призму художественного произведения.* («Главное» здесь – эстетический предмет, или просто Предмет: духовный уровень освоения действительности.) Подобный предметно-качественный подход обуславливает соответствующие программные требования, предъявляемые Ильиным критике и критикам. Критик, по Ильину, – профессиональный, художественно-аналитический читатель, жаждущий предметности в жизни и литературе, воспринимающий произведение целостно, как воплощенную тайну, измеряющий художественное произведение исключительно мерами *духовной глубины и художественного строя*; критик восприимчив, при всей своей разборчивости он способен настроиться на любое произведение, воспринять его максимально полно и адекватно, при этом критик обязан доказать свою точку зрения, обосновать свою оценку; критик независим, честен, предметно-прозорлив и ответствен, его суд – мужественный, сильный и глубокий – имеет большое значение для судеб России. Такая критика понимает искусство как своего рода независимое служение Богу в образах и материи, т. е. напрямую связана с эстетикой И.А. Ильина.

На основании изучения литературно-критической деятельности И.А. Ильина мы отмечаем далее, что сформулированные выше программные требования, преломляясь сквозь призму конкретной личности, в конкретной культурно-исторической ситуации и среде, приобретали неповторимое своеобразие, характеризующее творческую индивидуальность самого Ильина-критика. Среди особенностей литературной критики И.А. Ильина – *целостность восприятия и мышления* (в единстве всех душевных сил, веры и разума, рационально-логического, аналитического и интуитивно-образного начал), *масштабность видения, синтетизм* (способность литературной критики аккумулировать опыт и знания в самых разных сферах, становясь формой выражения определенных философских, политических, социальных, эстетических идей), *мировоззренческая заданность; нормативность, дидактизм; максимализм* (Ильин – Хранитель, хранитель чистоты евангельских истин и эстетического идеала, ими порожденного); *эмоциональность, страстность (и пристрастность), стилистическая чрезмерность, избыточность выразительных средств; публичность, публицистичность, диалогизм* (неслучайно И.А. Ильин тяготел к таким жанрам, как лекция, речь, многим его публикациям предшествовали выступления «вживую» в самых разных, как правило, многочисленных аудиториях).

Исходя из требований собственной эстетики, в целях достижения максимального литературно-критического результата И.А. Ильин разработал специальный филологический метод, который подробно рассматривается в параграфе 1.3. («*Филологический метод И. А. Ильина как инструмент научного исследования*»). В диссертации показано, что филологический (литературно-критический) метод И.А. Ильина тесно связан с его философским методом, суть которого можно определить как *художественное отождествление* «исторически изучающего духа с духом,

творчески созерцавшим предмет»¹. Критерием того, что отождествление состоялось, является у Ильина «свет понимания». Уточняя источники данного метода в соответствии с установками В.А. Недзвецкого, мы определяем их следующим образом: литературный идеал И.А. Ильина – русская классика и, прежде всего, А.С. Пушкин; философская (эстетическая) составляющая – античная метафизика (Сократ, Платон, Аристотель), немецкий идеализм (И. Кант, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель), отечественная религиозно-философская мысль (Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев и другие), европейские философы (С. Кьеркегор, Э. Гуссерль, О. Шпенглер, Т. Карлейль); политическая позиция – либеральный консерватор, монархист; с точки зрения эстетического вкуса И.А. Ильин ориентирован на «духовный и ответственный» вкус, который у него лично был воспитан на лучших классических образцах во всех сферах художественного творчества (литература, музыка, театр – преимущественно МХТ), обогащен собственным творческим опытом (музицировал, писал стихи), общением с такими выдающимися деятелями отечественной культуры, как Н.К. Метнер, С.В. Рахманинов, И.С. Шмелев, К.С. Станиславский, М.В. Нестеров и др. Вкус, по Ильину, равносителен голосу совести, он – явление живой религиозности в человеке.

Что касается структуры филологического метода И.А. Ильина, то Н.П. Полторацкий в свое время выделял в нем четыре элемента: эстетический акт, эстетическую материю, эстетический образ, эстетический предмет². И.П. Карпов сводит данный перечень к трем основным идеям – к идее художественного акта, идее трехмерности художественного произведения и идее предмета³. Уточняя на содержательном уровне указанную трехсоставную структуру филологического метода И.А. Ильина, мы описываем этот метод как включающий: 1. идею художественного акта, своеобразие которого определяется а) установкой на внешний или

¹ Ильин, И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: в 2-х т. / И.А. Ильин. – СПб., 1994. – С. 17.

² Полторацкий, Н.П. Иван Александрович Ильин / Н.П. Полторацкий. – Teneflay, 1989. – С. 97.

³ Карпов, И.П. Проза Ивана Бунина / И.П. Карпов. – М., 1999. – С. 54.

внутренний опыт; б) внутренним строем и укладом самого художника (соотношением чувства, воображения, воли, мышления в его творчестве); 2. идею художественного предмета (главного духовного содержания того или иного произведения, в идеале ориентированного на последнюю – религиозную – глубину мира и человека); 3. идею трехмерности художественного произведения в единстве эстетической материи (слово, звук, знак), эстетического образа и предмета, при исключительной роли и полномочиях предмета.

Имея в виду область применения филологического метода И.А. Ильина, мы приходим к выводу, что он более эффективен на материале искусства классического, реалистического типа, хотя в целом он достаточно гибок для того, чтобы, сохраняя собственную оригинальность, отражать необходимые, по мнению И.А. Ильина, параметры исследования, а именно: структуру и особенности творческого акта, специфику языка, системы образов и предмета, характерные для того или иного художника. Яркими примерами практического применения филологического метода И.А. Ильина, рассмотренными в работе, являются его книга «О тьме и просветлении» (1939; 1959), очерки «Творчество Мережковского» (1934), «Художество Шмелева» (1956), другие. В перечисленных случаях (творчество Бунина, Ремизова, Шмелева, Мережковского), помимо глубины предметно-эстетического анализа, филологический метод Ильина обеспечил достаточно высокую степень объективности литературно-критического высказывания.

К безусловным достоинствам филологического метода И.А. Ильина относится его эффективность с точки зрения качественной «экспертизы» литературы¹, к недостаткам – определенный схематизм подходов, однозначность суждений, недооценка «горизонтальных» (исторических, субъективных) моментов творчества. Филологический метод И.А. Ильина ориентирован на религиозную систему координат, и, конечно, не

¹ И.А. Ильин исследует не идейно-художественное, а предметно-художественное своеобразие текстов, их духовное содержание. Предмет у И.А. Ильина – больше, чем идея: идея выходит на *ratio*, предмет – в эстетику Ильина выходит на Дух. В этом вся ценность литературной критики И.А. Ильина.

универсален; более надежные перспективы данного метода связаны, на наш взгляд, с его комплексным использованием в сочетании с другими методами современного литературоведения. Отметим также, что определенные издержки метода во многом искупаются искренностью И.А. Ильина, его подвижнической устремленностью к истине, самоотверженной преданностью идеалам, потребностью исправить мир, найти честные и верные слова *«диагноза, целения и прогноза»*.

Во второй главе **«И.А. Ильин и русская идеалистическая критика XIX века»**, проанализировав соответствующие материалы по XIX веку, мы, в частности, приходим к выводу, что европейская культура к XIX веку была уже вполне светской, внерелигиозной. Русская культура в лице представителей магистральной для нее идеалистической традиции, оценивая процесс «обезбоживания» жизни как «болезнь к смерти», всячески противодействовала ему, в том числе, средствами литературной критики. К идеалистической традиции миропонимания в русской литературной критике XIX века мы относим абстрактно-эстетическую, или философскую (Д.В. Веневитинов, Н.И. Надеждин, В.Ф. Одоевский, И.В. Киреевский, С.П. Шевырев) – параграф 2.1., отчасти конкретно-эстетическую (учитывая тот факт, что в основных своих чертах эстетика В.Г. Белинского сформировалась под влиянием немецкой классической философии) – параграф 2.2., эстетическую (П.В. Анненков) – параграф 2.3., культурологическую критику в лице славянофилов (К.Н. Леонтьев), почвенников (Ф.М. Достоевский, А.А. Григорьев) – параграф 2.4. И.А. Ильину в указанном ряду ближе других славянофилы и почвенники (особенно Ф.М. Достоевский).

Конкретизируя полученные на данном этапе результаты исследования, отметим следующее. И.А. Ильин является наследником философской критики, у истоков которой находились Д.В. Веневитинов (1805 – 1827), Н.И. Надеждин (1804 – 1956), В.Ф. Одоевский (1804 – 1869), И.В. Киреевский (1806 – 1956), С.П. Шевырев (1806 – 1864). *Д.В. Веневитинов* (И.А. Ильин высоко ценил Веневитинова-поэта) утверждал необходимость философской

основы искусства, связывая с этим нравственную свободу и самобытность художественного творчества (поэту, по его мнению, нужно быть философом, чтобы обрести «широкое дыхание», полнее реализовать себя). Веневитинов ощущал «высшую природу» искусства, характеризуя при этом время как поток, которому трудно противостоять (время течет, как река; нет движения – нет жизни). Указанная метафора не вполне устраивает И.А. Ильина, которому важны, если можно так выразиться, «экологические», духовные параметры времени. Отделившись от христианства, считает он, культура уходит в безрелигиозную, безбожную пустоту¹, а значит время теряет свои субстанциальные качества и самые бурные усилия лишаются смысла. И.А. Ильин ощущение высшей природы искусства переживает как реальность; воспринимая идею философичности как тип литературно-критического мышления, он полагает, что гениальный поэт с его способностью к созерцанию (пророчеству) изначально мыслитель, пророк.

Н.И. Надеждин, углубляя идею философичности, закладывает основы научного подхода к эстетике, литературной критике, предлагает учитывать этноприродные факторы при осмыслении литературы и искусства, подлинное искусство связывает с религиозной просветленностью: И.А. Ильину близки эти идеи. *В.Ф. Одоевский*, пытаясь преодолеть наметившиеся в литературной критике крайности философского систематизма, переключает внимание на вопросы, лежащие в художественной плоскости, на чувство как важный инструмент познания; идеал поэта, по В.Ф. Одоевскому, – поэт – пророк; творить – значит нравственно совершенствоваться: все это созвучно Ильину. (За исключением того, что Одоевский допускает движение к совершенству через несовершенство. И.А. Ильин однозначно «выпрямляет» вектор движения личности: не всякий порыв, а именно религиозный ведет к совершенству, не «всякое выражение», а именно предметное создает искусство.) В литературной критике *И.В. Киреевского* преобладает

¹ См.: Ильин, И.А. Основы христианской культуры (1937) / И.А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1993. – Т. 1. – С. 286.

мировоззренческое задание (то же можно сказать об Ильине), на материале литературы он рассматривает важные мировоззренческие проблемы, в частности, проблему национального самосознания. Статья Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина» – первая в русской критике попытка рассмотреть творчество А.С. Пушкина как целостный феномен, в котором слились воедино художественно-философские потенции гения, дух времени и способность жить жизнью народа (столь же целостно, акцентируя внимание на «русскости», народности поэта, совершившего, по мнению Ильина, акт национального самосознания, будет рассматривать творчество Пушкина Ильин). Из идей *С.П. Шевырева*, близких Ильину, отметим установку на «внешние» и «внутренние» впечатления как источник поэзии (см. учение Ильина о внешнем и внутреннем опыте)¹.

И.А. Ильин не разделял «радикально-социалистических» взглядов *В.Г. Белинского* (1811 – 1848), склонного, по его мнению, к «площадному безбожию», называя его «наивным идеалистом», «благодушным мечтателем», «русским фанатиком наподобие молодого Достоевского». Однако эстетика Белинского, сформировавшаяся под влиянием немецкого идеализма, во многом коррелирует с эстетикой Ильина, а Белинский-критик в целом характеризуется Ильиным как «заслуженный и страстный», «тонкий», «авторитетный» критик, обладающий «беспорной художественно-критической интуицией». Из идей конкретно-эстетической критики Белинского Ильину близка идея «трех актов» в процессе создания произведения (бессознательная потребность творить, вызревание идеи до образов, воплощение образов в зримые формы); идея органичности процесса творчества как условие его подлинности; идея целостности произведения как условие его художественности; идея чувства как «внутреннего ясновидения истины» и др.

Эстетическая критика *П.В. Анненкова* (1813 – 1887) критерием художественного качества полагает эстетическое наслаждение. Формула, к

¹ Ильин знает Шевырева и как поэта, оценивая его в этом качестве положительно («тонкий поэт»).

которой приходит Анненков, суть следующая: художественность = образ[ность] + чувство[вание] + полнота и жизненность содержания, соединенные с опытом, размышлением и образованностью. И.А. Ильин, не возражая против перечисленного, добавляет в свое понимание художественного совершенства импульс, идущий от поверхности на глубину – к предметной сущности мира. И.А. Ильин нацеливает искусство (и критику) на главное, предпослав художественному – как первопричину – предметное качество идеи, которую оно выражает. Анненков идет в своих разборах от формы к содержанию; Ильин форму полагает служебной относительно предмета. Критиков сближают осознание литературы как человековедения, а также образность, универсальность мышления на основе синтеза искусств.

Славянофилы, помимо собственно мировоззренческих принципов, близки Ильину своим пониманием искусства как деятельности духа и художника как человека призванного, избранного; сквозным мотивом, связывающим творчество И.А. Ильина и творчество славянофилов (*К.С. Аксакова, И.С. Аксакова, А.С. Хомякова* и др.) является мотив любви к Отечеству, необходимость «национальной стороны» во всем, в том числе в литературе и критике. По формальным признакам И.А. Ильина-критика со славянофилами сближают интерес к жанру речи, склонность к проповеди, нормативность эстетики, подчиненная определенной социальной, историософской, религиозно-нравственной концепции.

Ф.М. Достоевского (1821 – 1881) И.А. Ильин считает своим духовным наставником. Их связывает положительное мироощущение (на базе православного вероисповедования), утверждение искусства как важнейшего средства познания и совершенствования человека, высший, духовный, реализм как предпочтительный метод художественного видения. Воплощением эстетического идеала в русской литературе для обоих является Пушкин; статья И.А. Ильина «Пророческое призвание Пушкина» (1937) порой напоминает «кальку» с пушкинской речи Достоевского (основные

мотивы обоих – русскость, пророческая – боговдохновенная – гениальность, народность Пушкина). В то же время единство мировоззрения не исключает субъективно-авторского прочтения материала (Достоевский на материале творчества Пушкина развивает мысль «об оторванном от народа обществе нашем», Ильин говорит о пророческом призвании искусства вообще, о промыслительной роли художника, ведущего свой народ к Богу). На наш взгляд, метод Ильина, полагая цель исследования в предмете (вне себя), позволяет добиваться более объективной трактовки материала.

Безоговорочно вошла в эстетику, литературную критику И.А. Ильина и заняла в ней почетное место идея А.А. Григорьева (1822 – 1864) о произведении как живом организме. Понятие «веяния» (термин А.А. Григорьева), осмысленное К.Н. Леонтьевым (1831 – 1891) как стиль (язык) + психологическая убедительность, подготавливает один из постулатов И.А. Ильина о взаимном соответствии эстетической материи, эстетического образа и предмета в художественном целом произведения.

Из присущих идеалистической критике свойств и качеств, сложившихся в XIX веке и унаследованных веком XX (в том числе И.А. Ильиным), в работе отмечаются: *положительное мироощущение* и *целостность мировосприятия*, ориентированного на абсолютные, в том числе религиозные, ценности; *синтетичность подходов* – в единстве разных форм и типов познания (рационально-логического, интуитивного; научного и художественного), в единстве разных видов опыта (чувственного и нечувственного), в единстве религии и философии, науки и искусства, литературы как искусства слова и других искусств, в единстве всех душевно-духовных сил человека (чувства, разума, совести, веры, воли, молитвы, воображения и др., когда именно чувству – и в познании, и в творчестве – отводится важнейшая роль); *духовность* в благородном единстве слова и дела, жизни и декларируемых идеалов; *универсальная образованность*, компетентность в самых разных областях знания; *глубина и масштабность идей*, суждений, оплодотворивших не только русскую, но и мировую

культуру. Из более общих, родовых, признаков русской литературной критики отмечаются характерные и для идеалистической критики (в том числе, для И.А. Ильина) причастность к судьбам Отечества, патриотизм, связь с жизнью (идея активного участия христианина в жизни мира), публицистичность, обращенность к широким читательским кругам и связанный с этим диалогизм литературно-критического мышления. Все перечисленное в целом обеспечивает высокое качество русской идеалистической критики XIX века, не потерявшей своего значения до сих пор. Что касается существа утверждаемых идей, то И.А. Ильин полностью разделяет базовые положения русской идеалистической критики, сформулированные в XIX веке. Среди них – мысль о том, что искусство в идеалистической (религиозной) системе координат приобретает статус ясновидения, тайноведения, служения Главному, что, являясь производным религиозного просветления, оно служит формой нравственной деятельности, способом осуществления истины, добра и красоты. Идеалистическая критика XIX века предъявляет искусству самые высокие морально-нравственные требования, полагая основание красоты в духе. Идеалом поэта для критиков идеалистического направления становится поэт-пророк, поэт-философ (в пантеоне русской литературы это, прежде всего, Пушкин). Художественная ценность произведения в контексте всех разновидностей русской идеалистической критики XIX века определяется единством формы и духовно качественного содержания, а осмысление искусства, которое в целом интерпретируется как форма познания и преображения мира, напрямую увязывается с проблемой национального самосознания, национальной самобытности культуры. Все сказанное полностью соответствует размышлениям И.А. Ильина и является частью его собственной эстетики: можно говорить о том, что во многих отношениях эстетика и литературная критика И.А. Ильина вполне традиционны относительно классических (идеалистических) первоисточников XIX века. Его своеобразие определяется четкостью мировоззрения, ортодоксально

православного по сути, и ярко выраженной потребностью национального самосознания, национального самоутверждения и сохранения собственной национальной самоидентификации в пространстве европейской (мировой) культуры. Развивая данную мысль, отметим следующее. Русская эстетика и литературная критика, сформировавшиеся на базе немецкого идеализма, к середине XIX века постепенно отходят от Гегеля и немецкой философии как доминант теоретического мышления. С одной стороны, усиливается движение к православию (славянофилы, почвенники), с другой – нарастают материалистические тенденции. При этом материалистические тенденции в философии и литературной критике заявляют о себе все настойчивее, а в рамках идеалистического миропонимания акценты все очевиднее смещаются к «земному»: И.А. Ильин в своих комментариях к XIX веку (статьи о Пушкине, Гоголе, Достоевском, Толстом) пытается компенсировать наметившиеся диспропорции и отклонения. Безусловно приветствуя синтез веры и разума, он подчеркивает приоритет веры и, конкретно, православия, полагая именно в православии наиболее прямой путь к истине и спасению.

Существенным «разночтением» в контексте сказанного является категория времени, с которой предшественники И.А. Ильина в XIX веке напрямую связывали осмысление искусства (искусство как «органический плод века и народа»¹ – А. Григорьев). В эстетике И.А. Ильина, ориентированной на вечные (абсолютные) константы бытия, историзм ослаблен, история понимается им как процесс христианизации культуры, прежде всего. Нормативность, присущая эстетике Ильина, также плохо сочетается с историзмом (мировоззренческое задание в критике Ильина налицо). В эстетике И.А. Ильина усилены религиозные начала, он не допускает движения к совершенству через несовершенство, «по-своему» означает у него не *о* себе, не *из* себя, а *через* себя – о главном. И в эстетике, и в литературной критике И.А. Ильина все сводится к Предмету – последней,

¹ Григорьев, А. А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства / А. А. Григорьев // Искусство и нравственность. – М., 1986. – С. 59.

религиозной глубине мира и человека. Объективно отмечая истончение религиозной традиции в русской литературе XIX века, И.А. Ильин искал и находил в ней то, что в контексте Нового времени продолжало древне-православную культурную традицию, приобщало к нетленным ценностям духа. В целом можно констатировать, что И.А. Ильин, являясь прямым наследником русской идеалистической критики XIX века, настойчиво корректирует все ее параметры и проявления в сторону максимально полного соответствия ортодоксально православному миропониманию.

В третьей главе эстетика и литературная критика И.А. Ильина интерпретируются в контексте русской идеалистической критики XX века («И.А. Ильин и русская идеалистическая критика XX века»). Хронологически мы выделяем здесь рубеж веков и первую половину XX века. В контексте рубежа XIX – XX веков (параграф 3.1.), в соответствии с заявленной темой, мы рассматриваем критику философов-идеалистов, представив ее именами В.С. Соловьева, В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, и критику символистов, представив ее именем Д.С. Мережковского, который и объективно, и в глазах самого И. А. Ильина представляет ее прежде всего. В работе отмечается, что на рубеже XIX – XX веков русская культура переживает новый подъем интереса к метафизической проблематике духа. На базе философии, как раньше, в XIX веке, на базе литературной критики, возникает своеобразный феномен синтетического, религиозно-философского и в то же время литературно-критического, научного и в то же время интуитивно-художественного мышления, столь близкий типу мышления и стилистике И.А. Ильина. Однако русский религиозный ренессанс – и это существенно – заложил устойчивую традицию переосмысления, «модернизации» исторического христианства и православия в духе новейших интеллектуальных запросов времени. Так, В. Соловьев (в наиболее безобидной форме) сближал христианство с естественнонаучным знанием, разбавлял его мистикой, но он же внедрялся в догматику (идея Софии Премудрости Божьей, «четвертой ипостаси» Троицы). В. Розанов настойчиво

утверждал «ущемленные» христианством права плоти. Д. Мережковский провозглашал некий Третий Завет и грядущее Царство Духа. Н. Бердяев демонстрировал бунт своеволия... И.А. Ильин не признавал религиозной веры, оторванной от церковной традиции, – нюансы тут не имели особого значения. В частности, говоря о школе «Мережковского – Розанова», И.А. Ильин объединяет, в общем, людей не близких. Философские концепции самих Мережковского и Розанова диаметрально противоположны: Розанов открывает святость пола как бы до начала мира, хочет вернуть человечество к райскому состоянию до грехопадения; Мережковский открывает то же самое после конца мира¹. В поисках кратчайшего пути к истине И.А. Ильин обобщает, упрощает взгляды возможных оппонентов, не делая между ними принципиального различия, и столь же обобщенно противопоставляет их своей собственной, ортодоксально православной позиции. В результате приходится признать, что среди религиозных философов рубежа XIX – XX веков, которые обращались к литературе и литературной критике (при всем уважении Ильина к Соловьеву, например), среди литературных критиков, представлявших идеалистическую традицию миропонимания, конгениальных союзников у И.А. Ильина нет.

В послереволюционной критике русского зарубежья первой половины XX века (параграф 3.2.) мы выделяем религиозно-философскую критику с эстетической доминантой (Ф.А. Степун, К.В. Мочульский, В.В. Вейдле) и религиозно-философскую критику с собственно религиозной (мировоззренческой) доминантой (В.В. Зеньковский), отмечая при этом, что повышенное внимание к эстетике само по себе означает некоторую смену ориентиров относительно предметно-содержательной, религиозной по преимуществу установки И.А. Ильина. Конкретно *Ф.А. Степуна* И.А. Ильин ставит в один ряд с Мережковским, Розановым, Бердяевым: объективно оценивая Ф.А. Степуна как умного и талантливого человека, И.А. Ильин отмечает в нем нетвердость позиции – религиозной и политической. Отсюда,

¹ См.: Николошкин, А.Н. Розанов / А.Н. Николошкин. – М., 2001. – С. 358.

наряду с принципиальным совпадением литературно-критических оценок, обусловленных общностью религиозного мировоззрения, у Степуна с Ильиным встречаются разногласия, стоящие в прямой зависимости от целостности, последовательности и глубины этого мировоззрения. Сопоставляя И.А. Ильина с одним из самых авторитетных критиков русского зарубежья К.В. Мочульским, мы констатируем, что К.В. Мочульский гораздо более терпим к различным проявлениям таланта, к различным формам и направлениям искусства. Он находит интересное для себя и в модернизме (формализм, символизм, акмеизм, импрессионизм), и в религиозных исканиях духа. Он достаточно глубоко, с религиозных (православных) позиций анализирует творчество Гоголя, Достоевского. И он же, не менее глубоко, пишет о поэтах «серебряного века» – Блоке, Брюсове, Белом. При всем своем эстетизме и тяготении к поэтической неоклассике К.В. Мочульский религиозно чуток и объективен. Но именно толерантность, особенно в вопросах веры¹, делает К.В. Мочульского уязвимым с точки зрения эстетических и мировоззренческих приоритетов И.А. Ильина. В.В. Вейдле, утверждая эстетическую доминанту своего творчества, прямо пишет, что Лувр он любит больше, чем Палату депутатов. Младший современник И.А. Ильина, В.В. Вейдле констатирует не просто кризис, но умирание искусства, тотальное одиночество художника среди людей в условиях безрелигиозной культуры, бездуховного общества. При этом если И.А. Ильин всю ответственность за происходящее возлагает на самого человека, то В.В. Вейдле постулирует *сначала* просветление мира, *потом* – исцеление художника. В.В. Вейдле, по сравнению с И.А. Ильиным, «хронически» зависим от своего времени, многое, сознательно или бессознательно, списывает на его счет. Можно сказать, что В.В. Вейдле, фиксируя утрату религиозности, принимает ее как данность, как факт и таким образом

¹ К.В. Мочульский испытал влияние В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова – их софиологии, участвовал в деятельности Братства Святой Софии, в движении «Православное дело», ему был близок пафос «свободной церкви», христианского «народничества» матери Марии (Е.Ю. Кузьминой-Караваевой), т. е. несколько «неканонических» форм религиозности.

вовлекается в «дурную бесконечность» логических компромиссов, мельчающих смыслов, формально-технических подробностей. Одним словом, от «таинственных недр» бытия и «недоказуемых истин» движется к «эмбриологии поэзии». Против подобных тенденций в культуре возражал И.А. Ильин, от них предостерегал, их имел в виду, когда писал: «Наше поколение уходит, не осмыслив Божьих заданий; а следующее за нами поколение не имеет ни слов, ни видения, ни чутья для этих проблем»¹.

Эстетическая доминанта в религиозно-философской критике русского зарубежья была обусловлена отчасти самим временем, объективной данностью искусства, искавшего в этом времени новых путей и нуждавшегося не только в осуждении, но и в осмыслении (не секрет, что отдельные достижения модернизма в области формы обогатили стиль, образность произведений даже таких высоко духовных художников-реалистов, как И.С. Шмелев). Возникавшая в диалоге с новым искусством толерантность утверждалась как норма. Ослабление религиозной мотивации творчества усугубляло центробежные тенденции в культуре, обособляя, противопоставляя духовное видение и «профессиональный взгляд», целостное «трехмерное» восприятие художественных явлений и «эстетический анализ». Все это воспринималось И.А. Ильиным с тревогой и болью, ибо для него религиозное чувство всегда было важнее эстетики.

И.А. Ильин и *В.В. Зеньковский* существовали в единой системе координат. И хотя Ильин для Зеньковского был «христианским натуралистом», а онтология самого Зеньковского являлась самобытным вариантом софиологии («христианский универсализм»), оба они тяготели к ортодоксальному православию, и в этом смысле, несмотря на все разногласия, наиболее сопоставимы в контексте нашего исследования. Что касается разногласий, то их происхождение, на наш взгляд, во многом объясняется особенностями характера и типом личности того и другого мыслителя. Зеньковский как человек гармоничный менее прямолинеен,

¹ Ильин, И.А. Собр. соч.: в 10 т. / И.А. Ильин. – М., 1999. – Письма. Мемуары (1939 – 1954). – С. 178.

склонен к «благодушной объективности», к синтезу, объединению, консенсусу, для него естественна установка на терпеливое сотрудничество и диалог. Ильин – пассионарий и аналитик – настроен на более решительную бескомпромиссную борьбу за достижение поставленной цели, которая определяется им как христианизация культуры.

Таким образом, имея в виду рубеж XIX – XX веков и первую половину XX века, можно сказать, что большая часть русских религиозных философов, обращавшихся к литературе, и литературных критиков, стоявших на позициях идеалистического миропонимания, так или иначе, переосмысливали, «модернизировали» традиционное православие (В.С. Соловьев, Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев), устранились от активной «духовной брани», уменьшали личную ответственность художника и человека за утрату религиозного качества жизни, сосредоточивали повышенное внимание на эстетической сфере творчества (Ф.А. Степун, К.В. Мочульский, В.В. Вейдле). Ближе других И.А. Ильину В.В. Зеньковский, который – в едином с ним духовном ключе – занимался русской литературой (Гоголь, Достоевский, Толстой и др.), но, в отличие от Ильина, Зеньковский не создал специального филологического метода, способного адекватно отразить религиозную установку на восприятие художественного творчества.

Выявляя связи И.А. Ильина в контексте русской культуры, мы подчеркиваем, что по большому счету И.А. Ильин услышал всех своих предшественников: и классицистов, и романтиков, и реалистов и даже, как бы ему этого не хотелось, □ модернистов¹. С классицизмом его связывают просветительский пафос, рационализм, нормативность; с романтиками – борьба за национальную самобытность искусства, идея художественности как неразрывного единства формы и содержания. Реалистическая составляющая с ее требованием «пластической скульптурности», убедительности образов («новой, подлинной, самостоятельной объективной

¹ Некоторые связи, только намеченные в данной работе, нуждаются в более глубоком изучении, что также относится к перспективам исследования литературной критики И.А. Ильина.

реальности»¹) – ведущая в эстетике Ильина. Восприятие текста как синтеза слова и изображения (с включением в него иллюстративного материала, рисунков, схем), экспрессивная графика, пунктуация, интерес к формальным возможностям языка (каламбур, игра слов и прочее) – признаки новейшего художественного мышления (недаром и в своей литературно-критической практике И.А. Ильин был весьма чуток к таким проявлениям авторского своеобразия, как поэтическая – *поющая* – проза, ритмическая организация текста, особая роль пауз (!), своеобразная комбинация знаков препинания, использование разговорной речи в режиме «online» и т. п. – см., например, статью «Художество Шмелева»).

Очевидны и более глубокие, средневековые, корни эстетики И.А. Ильина. Они выражаются, прежде всего, в установке на *духовную очевидность* искусства: «Я искал приближения к древне-исконному, а не новых выдумок»², – уточняет свою позицию И.А. Ильин. Еще более глубокий уровень традиционности Ильина связан с определенными архетипами – системой мотивов и образов, уходящих в глубину коллективного бессознательного. К таким архетипам относится, например, образ *дерева* – мирового дерева, древа культуры. В этом плане сравнивается данный образ, невольно возникающий у И.А. Ильина в очерке «Творчество Мережковского» (1934), когда он говорит о художественной критике в России «за последние 50 лет» («Ибо все то, что у нас было, шло не от последних корней и глубин искусства и не вело к ним...»)³, с таким же образом, возникающим у И.Ф. Анненского (1855 – 1909) в статье «Достоевский в художественной идеологии» из «Второй книги отражений» (1909): «Все наше лучшее (в литературе. – М. Т.) росло от безвестных и вековых корней»⁴... Архетипические *корни* обоих авторов (реалиста Ильина и импрессиониста Анненского) очевидны. Метафора «корень» маркирует

¹ Ильин, И.А. *Художество Шмелева* / И.А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 2. – С. 143.

² Ильин И.А. *Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939 – 1954)*. – М., 1999. – С. 161.

³ Ильин, И.А. *Творчество Мережковского* / И.А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 2. – С. 168.

⁴ Анненский, И. Ф. *Достоевский в художественной идеологии* / И. Ф. Анненский // *Избранные произведения*. – Л., 1988. – С. 591.

органическую критику А. Григорьева, многие другие филологические, философские исследования отечественных авторов. Сквозные мотивы и образы (такие, как *зерно, корень, почва, солнце, сердце, веяние* и др.) формируют русскую литературную критику как единый интеллектуально-художественный текст, частью которого является творчество И.А. Ильина.

И. А. Ильин называет ведущую традицию русской культуры *пушкинской*. Он описывает ее как традицию «свободного созерцания сердцем» и по данному признаку противопоставляет себя и своих единомышленников «сиротливым детям декаданса», всему XX веку с его критической массой бездуховности. И.А. Ильин пытался сохранить, продолжить и укрепить в реалиях XX века интеллектуально-художественные, духовные потенции именно этой *созидательной, спасительной* традиции, отстаивая интересы «вероимного» предметного искусства. Его творчество представляет собой редчайший, может быть, единственный в своем роде случай ненарушимой культурной традиции, идущей от русского средневековья к новому и новейшему времени (в связи с эмиграцией традиция не была нарушена даже революцией). Однако в полной мере, как показано в работе, уникальность И.А. Ильина определяется именно созданием специального филологического метода, реализующего принципы ортодоксально-православного мировоззрения в подходах к литературе и искусству.

В **Заключении** подводятся общие итоги работы, подчеркивается мысль, что всем своим творчеством И.А. Ильин утверждал модель мира, в которой человек сохраняет (должен сохранять!) свою идеальную (духовную) природу, оставаясь образом и подобием Божьим. Эта фундаментальная установка определяет всю ценность, весомость, все значение литературной критики, филологического метода И.А. Ильина. В работе впервые эстетика И.А. Ильина анализируется в сопоставлении с соответствующими трудами Гегеля, Шеллинга, Карлейля, во многом определившими его подходы к искусству; уточняются источники, структура и суть его филологического метода;

определяются теоретические подходы И.А. Ильина к литературной критике; впервые дается специальный филологический, историко-философский анализ литературной критики И.А. Ильина, представленной всей совокупностью материалов в масштабе собрания его сочинений; впервые проблематика литературной критики И.А. Ильина соотносится с проблематикой русской идеалистической критики XIX-го века и вводится в контекст отечественной русской литературной критики первой половины XX века;

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монография

1. Тарасова, М. Р. Художественные особенности литературной критики И. А. Ильина: монография / М. Р. Тарасова. – Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2009. – 216 с. [10,54 п.л.]

Публикации в периодических научных изданиях, рекомендуемых ВАК

2. Тарасова, М. Р. И. А. Ильин о «серебряном веке» и модернизме / М. Р. Тарасова // Филологические науки. – М.: Мин-во обр-ия и науки РФ, 2005. – № 3. – С. 96-101. [0,6 п.л.]

3. Тарасова, М. Р. И. А. Ильин о русском языке / М. Р. Тарасова // Русская речь. – М.: РАН, 2007. – № 3. – С. 87-90. [0,4 п.л.]

4. Тарасова, М. Р. Адресаты литературной критики И. А. Ильина / М. Р. Тарасова // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. – М.: РУДН, 2008. – № 3. – С. 17-23. [0,5 п.л.]

5. Тарасова, М. Р. Диалогические возможности личных местоимений в предметно-эстетической критике И. А. Ильина / М. Р. Тарасова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – М.: МГОУ, 2008. – № 3. – С. 180-186. [0,5 п.л.]

6. Тарасова, М. Р. Теоретические предпосылки эстетики и литературной критики И. А. Ильина / М. Р. Тарасова // Обсерватория культуры. – М.: РГБ, 2009. – № 3. – С. 16-29. [0,9 п.л.]

7. Тарасова, М. Р. Формы диалогизма в литературной критике И. А. Ильина (на материале литературно-критических высказываний о Шмелеве) / М. Р. Тарасова // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – Архангельск: ПГУ, 2009. – № 11. – С. 210-215. [0,5 п.л.]

8. Тарасова, М. Р. Феномен литературной критики в интерпретации И. А. Ильина / М. Р. Тарасова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – М.: МГОУ, 2009. – № 4. – С. 168-171. [0,6 п.л.]

Статьи, материалы научных конференций, учебные пособия

9. Тарасова, М. Р. И. А. Ильин о природе художественного акта / М. Р. Тарасова // Проблемы эволюции русской литературы XX века. Третьи Шешуковские чтения: материалы межвузовской научной конференции. Выпуск 5. – М.: МПГУ, 1998. – С. 281 – 284. [0,4 п.л.]

10. Тарасова, М. И. А. Ильин – Д. И. Писарев: два полюса русской литературной критики / М. Тарасова // Филологический журнал: межвузовский сборник научных статей. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 1998. – Вып. VI. – С. 75-78. [0,5 п.л.]

11. Тарасова, М. И. А. Ильин о Пушкине: конференция к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина: сб. материалов / М. Тарасова. – Хабаровск: ХГПУ, 2000. – С. 48-55. [0,5 п.л.]

12. Тарасова, М. Р. И. А. Ильин у истоков концептуального ремизоведения / М. Р. Тарасова // Филологический журнал: межвузовский сборник научных статей. – Выпуск X. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2001. – С. 170 – 174. [0,6 п.л.]

13. Тарасова, М. Р. «Моцарт и Сальери» Пушкина в интерпретации И. А. Ильина / М. Р. Тарасова // История государства и церкви на Сахалине: сборник статей. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2001. – С. 192 – 197. [0,4 п.л.]

14. Тарасова, М. Р. И. А. Ильин как литературный критик: Контуры спецсеминара / М. Р. Тарасова // Актуальные проблемы методики преподавания филологических дисциплин в вузе и школе: сборник материалов и тезисов II Маймановских чтений. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2001. – С. 98 – 103. [0,3 п.л.]

15. Тарасова, М. Р. И. А. Ильин – о Чехове / М. Р. Тарасова // Филологический журнал: межвузовский сборник научных статей. – Выпуск XI. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2002. – С. 36 – 40. [0,7 п.л.]

16. Тарасова, М. Р. Синтетическая основа творчества И. А. Ильина / М. Р. Тарасова // Синтез в русской и мировой художественной культуре: материалы Четвертой научно-практической конференции, посвященной памяти А. Ф. Лосева. – М.: МПГУ, 2004. – С. 168 – 171. [0,2 п.л.]

17. Тарасова, М. Р. Духовное наследие И. А. Ильина в практике высшей школы / М. Р. Тарасова // Православие в прошлом и будущем России: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2006. – С. 84-90. [0,3 п.л.]

18. Тарасова, М. Р. И. А. Ильин – литературный критик: учебное пособие / М. Р. Тарасова // Южно-Сахалинск: СахГУ, 2006. – 272 с. [17 п.л.]

19. Тарасова, М. Р. И. А. Ильин и конкретно-эстетическая критика В. Г. Белинского / М. Р. Тарасова // Ученые записки Сахалинского государственного университета: сборник научных статей. – Вып. VI. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2006. – С. 114-120. [0,7 п.л.]

20. Тарасова, М. Р. К истории создания журнала «Русский колокол» (по материалам дневников и переписки И. А. Ильина) / М. Р. Тарасова // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Часть вторая: Материалы межвузовской научно-практической конференции на базе СПГУ 25 апреля 2006 г. – СПб.: Роза мира, 2006. – С. 65-72. [0,4 п.л.]

21. Тарасова, М. Р. И. А. Ильин и В. В. Зеньковский о воцерковлении русской культуры и о роли Гоголя в этом процессе / М. Р. Тарасова // Филологический журнал: межвузовский сборник научных статей. – Вып. XIV. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2006. – С. 26-32. [0,6 п.л.]

22. Тарасова, М. Р. К истории создания книги «О тьме и просветлении» (по материалам переписки И. А. Ильина и И. С. Шмелева) / М. Р. Тарасова // Филологический журнал: межвузовский сборник научных статей. – Вып. XV. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2008. – С. 45-50. [0,8 п.л.]

23. Тарасова, М. Р. Особенности авторского «я» в литературной критике И. А. Ильина / М. Р. Тарасова // Филологический журнал: межвузовский сборник научных статей. – Вып. XV. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2008. – С. 51-53. [0,3 п.л.]

24. Тарасова, М. Р. Иван Ильин и «герой как поэт» Т. Карлейля / М. Р. Тарасова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – Владивосток: ДГТУ, 2008. – № 3. – С. 15-17. [0,4 п.л.]

25. Тарасова, М. Р. Эстетика Гегеля как методологический источник эстетики И. А. Ильина / М. Р. Тарасова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – Владивосток: ДГТУ, 2009. – № 1 (5). – С. 46-48. [0,4 п.л.]

26. Тарасова, М. Р. Полемиическая составляющая литературной критики И. А. Ильина / М. Р. Тарасова // Филологический журнал: межвузовский сборник научных трудов. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2009. – Вып. XVI. – С. 62-64. [0,3 п.л.]

27. Тарасова, М. Р. И. А. Ильин о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя // М. Р. Тарасова // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. – Владивосток: ДГТУ, 2009. – № 3. – С. 52-55. [0,4 п.л.]

Тарасова Марина Романовна

**ПРЕДМЕТНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КРИТИКА И.А. ИЛЬИНА
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ
XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКОВ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано в печать 15.02.2010 г. Формат 60x84/16. Гарнитура «Таймс»
2,75 усл. п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 594-10

Издательство Сахалинского государственного университета.
693008, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290
E-mail: print@sakhgu.sakhalin.ru

Отпечатано в типографии издательства
Сахалинского государственного университета
693008, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290